

Традиция и модернизация буддизма в современной России: от этнической консолидации до постсекулярных вызовов

Татьяна Владимировна Бернюкевич

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
bernyukevich@inbox.ru <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

Аннотация. Актуальность исследования текущего состояния буддизма в России определяется тем местом, которое он занимает в ряду традиционных конфессий России. Цель работы — выявить особенности сосуществования разных форм российского буддизма в аспекте соотношения традиции и модернизации. Для достижения этой цели потребовалось: 1) установить основные направления активизации социальной составляющей деятельности буддийских организаций; 2) систематизировать информацию о влиянии цифровых технологий на российский буддизм; 3) уточнить различия между понятиями «секулярный буддизм» и «буддийский модернизм»; 4) определить особенности развития соответствующих п. 3 феноменов на российском материале; 5) выделить специфические черты развития «городского буддизма». Материалами исследования послужили сайты буддийских организаций и центров России, опыт личного участия в проектах развития буддийского образования, исследования российских и зарубежных специалистов по вопросам развития буддизма. Работа опирается на феноменологический подход; использованы категориальный анализ, метод включённого наблюдения, дескриптивный метод и метод случайной выборки. В результате проведённого исследования конкретизированы данные о том, за счёт чего буддизм приобрёл в России сложный и многослойный характер, сочетающий векторы поддержания сложившихся форм соответствующих практик с импульсом модернизации. Выводы: 1. Динамика развития буддизма в России сочетает традиционный вектор этнической консолидации с решением национально-государственных задач. 2. Различные формы буддизма активно присутствуют в виртуальном мире, наблюдается процесс интеграции информационных технологий в религиозные практики и расширение влияния ценностей буддизма на общество. 3. Понятия «секулярный буддизм» и «буддийский модернизм» можно рассматривать как пересекающиеся феномены, в рамках которых происходит, с одной стороны адаптация и рационализация традиционного буддизма, с другой, стирание границ буддизма как религии и, по сути, отказ от буддийской метафизики. 4. Названные явления находят своё отражение в российской культуре (прежде всего, в создании организаций, ориентированных

на развитие оздоровительных методик и на тесную связь с наукой и образованием). 5. В рамках городского социокультурного пространства сосуществуют традиционные для России буддийские организации и организации, институционально связанные с зарубежными буддийскими центрами. Вместе с тем, в городском пространстве широко представлены процессы модернизации и секуляризации буддизма. Таким образом, модернизацию буддизма в России, с одной стороны, можно рассматривать как изменение роли и функций традиционных для России буддийских организаций, отражающие их востребованность и развитие в современных социокультурных процессах; с другой, в рамках модернизации происходит также закрепление и распространение в России феноменов буддийского модернизма и секулярного буддизма, которые актуализируют внеконфессиональную адаптацию буддийского наследия к современным запросам личности и общества. Ряд форм подобной адаптации порождают вопросы о границах явления: где, к примеру, находится грань между современным восприятием буддизма и успешным маркетинговым ходом, использующим «буддийский бренд». Есть и более широкий вопрос: действительно ли перед нами формы современной адаптации к новым социокультурным реалиям — или имеет место эволюция буддизма как мировой религии в период постсекуляризма.

Ключевые слова: буддизм в России, рецепции буддизма, буддийская философия, современный буддизм, секулярный буддизм, Буддийская Традиционная Сангха России.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 125070407935-3 «Разработка системы информационных и организационных мер противодействия и профилактики идеологии терроризма и экстремизма в общеобразовательных организациях»).

Для цитирования: Бернюкевич Т. В. Традиция и модернизация буддизма в современной России: от этнической консолидации до постсекулярных вызовов // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 77–92. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-77-92>

Research article

Traditions and Modernization of Buddhism in Russia: from Ethnic Consolidation to Postsecular Challenges

Tatiana V. Bernyukevich

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russia; Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
bernyukevich@inbox.ru <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>

Abstract. The relevance of studying contemporary Russian Buddhism is determined by its position among traditional religious denominations in Russia. The goal is to identify the specificities of coexistence of various forms of Russian Buddhism from the perspective of the balance between tradition and modernization. To achieve this goal the following objectives were set: (1) to establish the main directions for activating the social component of the activities of Buddhist organizations; (2) to systematize information on the influence of digital technologies on Russian Buddhism; (3) to clarify the differences between the concepts of *secular Buddhism* and *Buddhist modernism*; (4) to determine the development features of *secular Buddhism* and *Buddhist modernism* using Russian materials; (5) to highlight the specific features of the development of *urban Buddhism*. Research materials included the websites of

Buddhist organizations and centers in Russia, personal experience in the development of Buddhist education, and research by Russian and foreign specialists on issues of Buddhist development. The research methodology is based on the phenomenological approach and employs categorical analysis, participant observation, descriptive methods, and random sampling. The study provided data on how Buddhism in Russia acquired a complex and multilayered character, combining tradition and modernization. Conclusions: 1. The dynamics of the development of Buddhism in Russia combines the traditional vector of ethnic consolidation with the solution of national and state problems. 2. Various forms of Buddhism are actively present in the virtual world, there is a process of integration of information technologies into religious practices and an expanding influence of Buddhist values on society. 3. The concepts of *secular Buddhism* and *Buddhist modernism* can be considered as intersecting phenomena, which combine the adaptation and rationalization of traditional Buddhism with a *de facto* rejection of Buddhist religious metaphysics. 4. These phenomena are reflected in Russian culture (primarily in the creation of health organizations and in the establishment of close ties with science and education). 5. Buddhist organizations traditional for Russia and organizations institutionally linked to foreign Buddhist centers coexist in the urban socio-cultural space characterized by the processes of modernization and secularization. Thus, the modernization of Buddhism in Russia can be viewed on the one hand, as a shift in the role and functions of traditional Buddhist organizations within contemporary sociocultural processes. On the other hand, this modernization also actualizes the non-denominational adaptation of the Buddhist heritage to the contemporary needs of individuals and society. The study raises questions about the boundaries of the phenomenon (e.g. the line between a modern perception of Buddhism and the "Buddhist brand") and a wider question of how to distinguish between forms of modern adaptation to new realities and an evolution of Buddhism as a world religion in the post-secular era.

Keywords: Buddhism in Russia, receptions of Buddhism, Buddhist philosophy, contemporary Buddhism, secular Buddhism, Buddhist Traditional Sangha of Russia

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (topic No. 125070407935-3 "Development of a system of information and organizational measures to counter and prevent the ideology of terrorism and extremism in general education organizations").

For citation: Bernyukevich, T. V. (2026) 'Traditions and Modernization of Buddhism in Russia: from Ethnic Consolidation to Postsecular Challenges', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(2), pp. 77–92. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-77-92>

Введение

Обращение к проблематике модернизации буддизма как одного из конструктивных элементов идентичности конкретных сообществ (этноконфессиональных, национальных, региональных, государственных и т.д.) призвано расширить и углубить знания об этой мировой религии, тем более что её влияние в современном мире выходит далеко за рамки отдельных сообществ. Как известно, институциональное становление этой формы религиозного мировоззрения изначально во многом зависело от политической ситуации в регионах его распространения, от его востребованности элитами и населением в целом, наконец

от геополитической ситуации [Бернюкевич, 2020]. И в наши дни рассмотрение буддизма в контексте социокультурной динамики позволяет учитывать позиции его сторонников при решении актуальных культурных, социально-экономических и политических задач государствами, на территории которых буддизм получал заметное распространение.

Несмотря на многообразие направлений и школ буддизма в современной России, опираясь на историческую укоренённость определённых школ буддизма в культуре ряда народов России (бурят, калмыков, тувинцев, части алтайцев) и историческую институционализацию этих школ и направлений в рамках российских государственно-конфессиональных

отношений, принято выделять традиционный российский буддизм. Безусловно, процессы изменения (модернизации) касаются и данного, традиционного для России, буддизма. Например, в настоящее время актуализируется социальная составляющая деятельности буддийских организаций в Бурятии, Калмыкии, Забайкальском крае, Туве; её основными векторами являются: образование, экономика, экология, работа с конкретными социальными институтами и т.д.

При этом важно различать понятия «модернизация буддизма» и «буддийский модернизм». *Модернизация буддизма* — это объективный исторический процесс изменения буддизма под влиянием социокультурных, социально-экономических и политических факторов. В контексте проблематики данной статьи, модернизация российского традиционного буддизма — это ответ буддизма на вызовы современности на основе традиционной метафизики и этики буддизма, реализующийся в деятельности традиционных буддийских организаций. *Буддийский модернизм* в приспособлении к новым условиям существования и социальным изменениям опирается на активную рационализацию философии и практик традиционного буддизма, представляя собой итог встречи буддизма с западной модерностью. Буддийский модернизм связан и пересекается в современном обществе с *секулярным буддизмом*, который актуализирует внеконфессиональную адаптацию буддийского наследия к современным запросам личности и общества. В настоящее время в России наблюдается как становление форм секулярного буддизма, так и разнообразные проявления буддийского модернизма. Данная ситуация требует серьёзных религиоведческих исследований.

В российской науке особую роль в актуализации интереса к особенностям динамики российского буддизма сыграла монография Е. С. Сафроновой «Буддизм в России», изданная в конце XX в. Эта тема получила развитие в ряде работ [Уланов, Бадмаев, 2023; Бернюкевич, 2020], посвящённых многоаспектной роли буддизма в российских социокультурных реалиях.

Особую роль буддизма в культуре народов России, традиционно его исповедующих, подчёркивают специалисты по истории буддизма в Бурятии [Абаева, 2011; Ванчикова, Чимитдоржин, 2006] и др. Множество исследований посвящены изучению места и значения буддизма в современной культуре калмыков и тувинцев [Бадмаев, Долгорсурэн, Уланов, 2018; Бакаева, 2022; Бичелдей, 2020; Религиозная ситуация..., 2021; Тарбастаева, 2019; Хомушку, 2024; Эрендженова, 2023] и др. В работах Н. В. Цыремпилова и И. Р. Гарри выявлены исторические особенности развития буддизма в российском государстве и современные тенденции его развития [Цыремпилов, Гарри, 2020]. Стоит выделить также исследования социальных и социально-экономических практик традиционных буддийских организаций [Марзаева, 2012; Атанов, Цыренов, 2024] и др.

Отдельную группу составляют работы, посвящённые вопросам влияния современных технологий на развитие российского буддизма. Среди них можно выделить труды учёных из Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) — Б. В. Базарова, О. С. Ринчинова, А. А. Базарова [Базаров, Ринчинов, Базаров, 2022], которые анализируют технологии и опыт цифровизации буддийских рукописей на тибетском языке. Для нашей темы важны социологические исследования места буддизма в медиaprостранстве и роли сетевых технологий в развитии буддийских организаций [Островская, Бадмацыренов, 2024a], а также работы, посвящённые особенностям присутствия буддизма в пространстве Интернет [Доржигушаева, Дондуков, 2016].

Определение важного для нашего исследования термина «секулярный буддизм» и популяризацию самого явления специалисты связывают с трудами С. Бэчелора [Batchelor, 2012], бывшего буддийского монаха, а сейчас — буддийского писателя. Секулярному буддизму и процессам модернизации западного буддизма посвящены также работы Д. Макмэхана [McMahan, 2008].

В целом современный российский буддизм исследователи характеризуют как сложное сочетание традиции и модернизации [Цыремпилов, Гарри, 2020]. Однако серьёзные исследования о сосуществовании в российском социокультурном пространстве явлений модернизации традиционного российского буддизма, секулярного буддизма и буддийского модернизма, специфике их развития в городской среде в настоящее время практически отсутствуют. Данная статья — попытка определить векторы изучения данного вопроса.

Активизация социальной составляющей деятельности буддийских организаций

Если несколько лет назад российских учёных больше интересовал исторический аспект развития буддизма в России, то сегодня исследователи выделяют влияние буддизма на современную социальную жизнь, на потенциал буддизма в сфере экономики, образования, развития технологий, медицины, здорового образа жизни и т.п. [Эрендженова, Бадмаев, Уланов, 2025; Эрендженова, 2023]. Эти же тенденции можно проследить на примере дискуссий в рамках широко проводимых в нашей стране Международных буддийских форумов. Так, на III Международном буддийском форуме, состоявшемся в Элисте осенью 2025 г., доклады участников фиксировали внимание именно на перспективах развития буддизма, рассмотренных в контексте различных процессов современной культуры, от проблем этических реверсов до новых научных открытий и искусственно-интеллекта. Отдельная дискуссия была посвящена буддийской экономике. Всё это позволяет задать вопрос о специфике социальных аспектов развития буддизма, многослойно связанным с его мировоззрением и практиками.

В развитии буддизма в России в начале XXI в., наряду с транслированием общих идей и ценностей буддизма как мировой религии и сохранением связей с ведущими буддийскими центрами и буддийскими лидерами, можно выделить отчётливые тенденции сохранения этнических традиций и реализации национально-государственных задач [Тарбастаева, 2019]. Отметим ряд направлений развития российского буддизма, в которых эти особенности проявляются наиболее заметным образом.

Так, в Буддийской Традиционной Сангхе России в связи с идеей *самостоятельного развития буддийской церкви* в России в начале 2000-х гг. оформилась тенденция подчёркивать значимость института Пандито Хамбо Лам¹. Говоря о специфике этого института в России XX–XXI вв., исследователи указывают на феномен Хамбо Ламы Итигэлова [Бадмацыренов, Родионов, 2020]. Значительную роль этого руководителя в развитии российского буддизма особенно ярко оттеняет тот факт, что в 2024 г. исполнилось 260 лет утверждения данного института Пандито Хамбо Лам. Эта дата широко отмечалась Сангхой. В частности, на территории Иволгинского дацана установлена скульптурная композиция к 260-летию учреждения института Пандито Хамбо Лам, где изображены Екатерина Великая, держащая свиток с указом об учреждении института, и первый Пандито Хамбо Лама Дамба-Даржа Заяев с хадаком² в руках. Памятник высотой 4,5 метра выполнен в бронзе.

В настоящее время в рамках деятельности Сангхи в **Бурятии** активно развиваются социальные практики, связанные с *сохранением и воспроизводством этнических традиций*. Примером такого рода может служить проект «социальная отара», который был инициирован Буддийской Традиционной Сангхой России в 2009 г. при финансовой поддержке тогдашнего

¹ Титул главы буддийского духовенства Восточной Сибири, Институт Пандито Хамбо-лам, установленный в 1764 г. указом императрицы Екатерины II.

² Хадак (монг. хадаг; бур. Хадаг) — традиционный церемониальный шарф, который подносят в знак глубокого уважения, благопожелания или приветствия

Президента РФ Д. Медведева. Исследователи отмечают, что социальный характер данного проекта раскрывается через выполнение им трёх основных задач: создание новых рабочих мест в животноводстве, обеспечение минимизации оттока трудоспособного сельского населения, возрождение традиционного бурятского хозяйственного уклада, а также повышение потребительского потенциала Бурятии [Атанов, Цыренов, 2024: 7]. В 2020 г. Сангха начала реализовывать новую социально значимую программу по разведению и распространению аборигенной бурятской породы крупного рогатого скота, финансово поддерживаемую правительством Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что всё это не только социальные, но именно этно-социальные проекты, направленные на сохранение этнических традиций.

Также ещё в 2013 г. Сангха России заявила о начале своей работы по сохранению бурятского языка. В рамках этого направления в Иволгинском дацане ежемесячно проводится Межрегиональный детский конкурс по сохранению и развитию бурятского языка, осуществлены два проекта — созданы национальное Буряад FM-радио и телеканал «Селенга-TV» с круглосуточным вещанием на всех диалектах бурятского языка. Специальные выпуски республиканской национальной газеты «БуряадҮнэн» также издаются на диалектах бурятского языка.

Помимо выполнения этно-национальных задач, в Сангхе развивается международное сотрудничество, в рамках которого буддийская культура выступает как часть российской культуры. Иволгинский дацан — резиденция Пандито Хамбо Ламы Дамба Аюшеева — является местом приёма международных делегаций.

Особые государственные российские функции связаны с деятельностью представителей Сангхи в российской армии. Для духовной поддержки российских буддистов в армии введена официальная

должность — помощник командира отдельной гвардейской мотострелковой бригады по работе с верующими военнослужащими.

Буддизм Калмыкии определяется в ряде исследований как форма русского буддизма, в наибольшей степени связанная с глобальными современными тенденциями развития тибетского буддизма [Тарбастаева, 2019]. Однако вопросам развития этнической культуры и традиций калмыцкого народа в дацанах Калмыкии уделяется значительное внимание. В частности, решаются вопросы сохранения калмыцкого языка. С 2010 г. в Центральном хуруле (главном буддийском храме Республики Калмыкия)³ Калмыкии ежегодно проводятся курсы калмыцкого языка и калмыцкой письменности «Тодо бичиг». Также в Центральном хуруле Калмыкии организовываются кружки, занятия по изучению национальной письменности (особое внимание уделяется преподаванию «Тодо бичиг»); при поддержке хурула издаются книги на калмыцком языке, проводятся конкурсы детских рисунков и сочинений, конкурсы национальных костюмов и знаменитых калмыцкого фольклора [Марзаева, 2012: 91–93].

Большой популярностью пользуются буддийские воскресные школы, открытые не только в Элисте, но и в Юстинском, Яшкульском, Малодербетовском районах Калмыкии на базе хурулов этих районов. В 2025 г. слушателями буддийских воскресных школ в регионе стали 146 обучающихся. Исследователи отмечают, что представители калмыцкого буддийского духовенства активно занимаются не только религиозным просвещением, но и «благотворительностью, оказывают социальную помощь населению. Они регулярно посещают республиканский центр реабилитации детей-инвалидов, Элистинский дом ребёнка, дом престарелых» [Марзаева, 2011: 129]. Следует отметить, что не только Центральный хурул, но и другие хурулы Калмыкии (например, Малодербетовский)

³ Хурул (калм. хурул, монгольское хурэ (монг. хүрээ / хурэ) восходят к общему монгольскому корню со значением «ограда», «круг») — буддийский храм (монастырь, обитель) в калмыцком (монголо-ойратском) буддизме.

традиционно помогают людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации, инвалидам и пожилым.

Не менее актуальны для Калмыкии экологические проекты, инициированные буддийским духовенством. Для примера рассмотрим проект создания «зелёного пояса» вокруг Аршанского хурула. В данном проекте использовался опыт посадки с 2011 г. деревьев вокруг хурула Геден Шеддуп Чойкорлинг. А в 2019 г. во время своего визита в Калмыкию при посещении хурула Кунделинг известный тибетский буддийский учитель Кунделинг Тацак Джедун Ринпоче поддержал идею создания «зелёного пояса» вокруг Аршанского хурула, расположенного в степной местности [Дондуков, 2022: 64]. Его идея была поддержана руководством Центрального хурула, Правительством Республики Калмыкии, различными государственными и общественными организациями. Они совместно реализовали данный проект, превратив его в широкую общественную акцию, в которой приняло участие около трёх тысячи человек, посадивших шесть тысяч деревьев.

Сохраняются традиционные связи между буддийским духовенством и Калмыцким казачьим округом Всевеликого войска Донского. В настоящее время ламой казачьего войска является представитель буддийской традиционной сангхи России по Астраханской и Волгоградской областям настоятель хурула «Алдр Диилрин Сюме» («Буддийский Храм Великой Победы») Октябрьского района Калмыкии Джигме-Лама (Санал Манжииков).

В **Республике Тува** централизованное управление Камбы-ламы уделяет значительное внимание социальным проектам, активно сотрудничает в этом направлении с Правительством республики, общественными организациями. [Уланов, Бадмаев, 2023: 146]. Буддисты Тувы активно сотрудничают с Культурным фондом им. Кужугета

Шойгу, основной задачей которого является содействие возрождению и сохранению тувинского культурного наследия, ведут патриотическое и духовно-нравственное воспитание [Уланов, Бадмаев, 2023: 146]. Исследователи отмечают, что принятое в буддизме посещение сакральных мест верующие Тувы связывают с этническими традициями и культурной идентичностью [Религиозная ситуация..., 2021: 27].

Значимым для социально-образовательной среды региона в аспекте духовного становления молодёжи стало открытие в 2025 г. Российского Буддийского университета в г. Кызыл. Инициатива нашла поддержку у Культурного фонда им. Кужугета Шойгу и Фонда развития буддийского образования и исследований. Открытие Университета — важный этап развития системы высшего буддийского духовного образования в России. Также, говоря о развитии буддийского образования в целом, нельзя не упомянуть, что в октябре 2025 г. в Центральном тувинском буддийском монастыре «Тубтен Шедруб Линг» в Кызыле состоялся Республиканский форум «Буддизм в современной системе школьного и дополнительного образования: точки пересечения». Задачей данного форума, собравшего представителей буддийского духовенства, учителей, психологов, преподавателей вузов и учёных, стала реализация диалога духовных традиций буддизма и современного светского образования⁴.

Эти и другие примеры убедительно показывают, что внимание к социальным проектам в рамках буддийских организаций представляет собой системный процесс, сосредоточенный на усилиях поддержки этнокультурной составляющей, вписанной в общероссийскую идентичность и развивающейся в условиях цивилизационно ориентированной традиции, уважающей принадлежность к ценностям буддизма как мировой религии. «Модернизация» как системное обновление

⁴ В Туве проходит Республиканский форум «Буддизм в современной системе школьного и дополнительного образования: точки пересечения» // Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций Древней Индии и Тибета «Наланда». 2025. 23 окт. URL: <https://nalanda.news/2025/10/23/tuva-pedagogical-forum.html> Дата обращения 03.11.2025

динамичного процесса развития тем самым предстаёт одной из существенных черт российского буддизма с момента его появления на территориях традиционного распространения.

Буддизм в цифровом измерении

Цифровизация в настоящее время всё шире охватывает различные сферы жизни человека и общества; не является исключением и религиозная сфера, в том числе деятельность буддийских организаций и жизнь буддистов. Информационные технологии используются для сохранения буддийского наследия, создания новых форм религиозной коммуникации, привлечения внимания к буддизму, выступают одной из миссионерских тактик и т.п.

Наибольший интерес с научной точки зрения представляет тема использования цифровых технологий для сохранения письменных памятников буддизма. Ещё с 2021 г. в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН) начался процесс внедрения методов искусственного интеллекта для изучения памятников буддийского письменного наследия. С этой целью была создана коллаборация с участием ИМБТ СО РАН; индустриальным партнёром выступило подразделение корпорации Мобильные телесистемы (МТС) «Центр искусственного интеллекта МТС» (МТС-ИИ), технологическим партнёром стал Новосибирский государственный университет. Итог их совместной деятельности — исследование «Подготовка датасета для обучения baseline моделей оптического распознавания символов тибетского языка», результаты которого опубликованы в ряде статей [Базаров, Ринчинов, Базаров, 2022]. По мнению учёных ИМБТ СО РАН, сегодня в области цифровизации письменного наследия тибетского буддизма особенно остро стоит проблема применения «таких технологий искусственного интеллекта, как метод “глубокого обучения”, которые позволяют существенно интенсифицировать и автоматизировать работы по цифровизации

памятников тибетской книжности» [Базаров, Ринчинов, Базаров, 2022: 748]. Буддологи считают, что в ближайшее время это направление станет в востоковедении приоритетным; кроме того, цифровая трансформация буддийских письменных и литературных традиций открывает для них новые формы функционирования и возможности развития [Базаров, Ринчинов, Базаров, 2022: 748].

Буддийское сообщество достаточно активно использует Интернет-пространство для внутренней коммуникации: создаются сайты, буддисты присутствуют в социальных сетях. Исследователи справедливо отмечают, что «перенос буддийских практик в онлайн-плоскость зависит от множества факторов, как внутренних, так и внешних» [Дондуков, Дондукова, 2021: 153]. В этом контексте показательна статья Б. Ц. Дондукова и Г. П. Дондуковой, в которой представлены результаты исследования отношения к цифровой миссии и цифровой коммуникации в таких традициях буддизма, как тибетский буддизм, дзен-буддизм и тхеравада. Авторы пришли к выводу об отсутствии единой позиции буддийских лидеров и самих буддистов по данному вопросу [Дондуков, Дондукова, 2021: 153]; они отмечают, что активная виртуализация буддийских практик и коммуникации связана с ситуацией пандемии COVID-19, ведь именно тогда стали использоваться не только онлайн-трансляции, но и онлайн-посвящения [Дондуков, Дондукова, 2021: 153].

Анализ места буддизма в современной медиасфере нередко связывается с вопросом о том, какие буддийские сообщества — традиционные для России или нет — наиболее активны в медиaprостранстве? Приведём мнение на этот счёт известных российских социологов Е. А. Островской и Т. Б. Бадмацыренова, которые занимаются изучением русскоязычного цифрового буддизма с 2019 г.: «Парадоксальным образом традиционные для России буддийские монастырские организации приняли новаторскую стратегию, оказались весьма креативны в привлечении новых медиа и самопрезентации в публичном пространстве. А направления буддизма,

институционализованные за истекшие 30 лет, наоборот — консервативны» [Островская, Бадмацыренов, 2024b: 84]. При этом анализ «буддийского» пространства социальных сетей с точки зрения его структурирования, выполненное в рамках проекта «цифровое картографирование буддийской ниши ВК», показывает: в соцсетях к 2024 г. (по активности) преобладают бурятские, калмыцкие и тувинские онлайн-сообщества — ветки школы гелугпа и онлайн-группы российской Ассоциации общин, входящих в состав Международной организации Карма-кагью. Российская часть Международной Дзогчен-общины и русскоязычной Тхеравады в этом плане уступают вышеназванным [Островская, Бадмацыренов, 2024a: 99].

Не менее важным для понимания современных процессов приобщения к буддизму через Интернет является обоснованный теми же исследователями вывод о том, что цифровые коммуникации могут мотивировать интересующих буддизмом к личной преемственности учения [Островская, Бадмацыренов, 2024b: 221].

Итак, информационные технологии используются для сохранения буддийского наследия, создания новых форм религиозной коммуникации, привлечения интереса к буддизму и т.п. Разные формы буддизма активно присутствуют в виртуальном мире, создавая пространство интеграции информационных технологий в религиозные функции.

«Секулярный буддизм» и «буддийский модернизм»: содержание и особенности развития в России

Значимое для нашего исследования понятие «секулярный буддизм» изначально применялось к описанию форм адаптации и развития буддизма на Западе [Аякова, 2020], где оно обозначает специфическое использование буддийских практик (прежде всего, медитации), выходящее за рамки чётко очерченного конфессионального пространства. По существу понятие «секулярного буддизма» включает в себя сепарированную из буддийских практик

устремлённость к индивидуальному благу, личностному совершенствованию и гармоничному образованию; последователи секулярного буддизма провозглашают особой ценностью связь этих практик с наукой и внимание к экологическим вопросам.

Подобная «сепарация» прослеживается, например, в работах С. Бэтчелора, который выделяет психолого-социальную самоценность буддийских практик и предлагает «вместо того, чтобы рассматривать пробуждение в терминах “истин”, которые необходимо понять, рассматривать его в терминах “задач”, которые необходимо выполнить» [Batchelor, 2012: 87]. По его мнению, такой «прагматический подход» открывает возможность выхода за рамки религиозной метафизики буддизма к «постметафизическому видению дхармы», непосредственно связанному с практикой [Batchelor, 2012: 87]. При этом Бэтчелор подчёркивает отличие описываемого им секулярного буддизма, основанием которого является «реконфигурация» основных элементов дхармы [Batchelor, 2012: 87], от буддийского модернизма, связанного с тенденциями изменения традиционных буддийских практик в контексте современности. Однако в реальности секулярный буддизм в его обобщённом понимании всё же оказывается весьма близок интерпретациям буддийской модернизации.

Не вдаваясь в историю буддийского модернизма, который связан и с «новейшими движениями» в традиционном буддизме, и с развитием европейского необуддизма, обратимся к тем результатам модернизации буддизма, которые описывает известный исследователь этого феномена Давид МакМахан. В своей книге «Создание буддийского модернизма» он утверждает, что современные представления о буддизме не только изменили *понимание* традиции, но и породили *новые формы* реального буддизма — демифологизированного, дестрадиционализованного и деинституционализованного [McMahan, 2008: 3–5]. Говоря о трансформации буддизма в условиях Запада и глобализованного мира, МакМахан напоминает историкам религии: «ничто не стоит на месте», это необходимо услышать и принять тем учёным,

кто стремится осуждать те или иные практики как «неподлинные» или неканонические, — тем более, когда речь идёт об «учении, основанном на непостоянстве» [McMahan, 2008: 179].

Комментируя позицию МакМахана, Джон Мерфи предлагает учесть, как Запад и Восток интерпретируют дхарму для современной аудитории — воспитанной в абстрактном мышлении, выросшей в условиях потребительского капитализма и участвующей в глобализирующихся медиа [Murphy, 2010: 42–43]. В книге «Переосмысление медитации: буддийская медитативная практика в древнем и современном мирах» (это сочинение по сути является продолжением идей «Создания буддистского модернизма») на примере трансформации медитации МакМахан приходит к следующему выводу: когда традиция лишается привычных культурных контекстов — в результате радикальных внутренних изменений, контакта с другой культурой или экспорта в другой культурно-географический регион, т.е. происходит деконтекстуализация и реконтекстуализация, — она может претерпеть значительную перестройку, не теряя своего смыслового ядра [McMahan, 2023: 250–260].

Анализируя феномены секулярного и социально-ангажированного буддизма, российский исследователь Ж. Аякова в свою очередь отмечает, что «...эти влиятельные движения, зародившиеся преимущественно в среде мирян, возникают в ответ на противоречивость буддийского модернизма, вобравшего элементы, далёкие от традиционного буддизма, но использующего буддийский бренд» [Аякова, 2020: 83]. Напротив, Д. Лопес указывает на возможности буддизма выполнить задачи «новой религии», совместимой с наукой и основанной на индивидуальном чувстве единства [Lopez, 2008: 1–3].

Вместе с тем, в настоящее время активное распространение буддийских практик осознанности на Западе подвергается там критике, и порой весьма резкой. Например, негативная оценка секулярного буддизма звучит в книге Рональда Э. Пурсера с ярким

названием «“МакМайндфулнесс”: как осознанность стала новой капиталистической духовностью». По мнению автора, медитации и другие практики осознанности, взятые в отрыве от целостности буддийского учения, становятся чем-то вроде фастфуда для широких масс; причём продажа программ обучения медитациям — прибыльный бизнес на огромном рынке и, более того, эти методы работы с сознанием в условиях современного капитализма становятся методами социального контроля и одновременно самоуспокоения [Purser, 2019: 125–127]. В своей рецензии на эту книгу Джесси Баркер отмечает: Пурсер убеждён, что осознанность стала инструментом неолиберальной идеологии, направленной на разрушение коллективных структур и реформатирование общества в совокупность изолированных индивидов. Когда этическая основа дхармы забыта, буддийское наставление может быть использовано как призыв к пассивному принятию структур социальных и экономических отношений [Barker, 2021: 253–254].

Многие из описанных явлений, связанных с буддийским модернизмом и секулярным буддизмом, мы наблюдаем и в российском религиозном пространстве. Например, в настоящее время достаточно широко распространена популяризация медитативной практики без обязательной связи с принятием буддизма и следования буддийскому пути. Цель таких медитаций — самопознание, достижение комфортного психологического состояния, улучшение когнитивных способностей и т.п. Помимо разных оздоровительных центров йоги, такие направления присутствуют и в деятельности организаций, зарегистрированных как религиозные. Например, информация о такого рода деятельности размещена на сайте Местной Религиозной Организации Буддистов «Центр Тергар» (г. Москва): «Программа центра разработана Мингьюром Ринпоче — выдающимся мастером тибетской медитации и автором бестселлера “Будда, мозг и нейрофизиология счастья”, который всемирно известен своей ясной и доступной манерой изложения созерцательных

практик»⁵. На семинарах под названием «Радость жизни» даются практические советы относительно применения техник медитации. Этим же учредителем по этому же адресу зарегистрирована АНО «Радость Жизни», связанная с деятельностью в сфере культуры.

В разделе «Часто задаваемые вопросы» на вопрос о том, «должен ли я быть буддистом, чтобы медитировать», даётся следующий ответ: «Медитировать может каждый. Практика медитации — это процесс обращения внутрь, чтобы познакомиться с работой ума, и узнать, как мысли и эмоции формируют наше восприятие. Медитация не требует веры в какую-либо религиозную доктрину»⁶.

В рамках определения особенностей секулярного буддизма в России целесообразно обратиться к анализу деятельности ряда психотерапевтических центров, руководители которых позиционируют связь с буддизмом (поездки в буддийские центры, встречи с буддийскими лидерами, участие в буддийских учениях и т.п.), указывают на связь с традиционными духовными практиками буддизма и т.д. Такие центры обычно вполне комплементарно сосуществуют и взаимодействуют с буддийскими религиозными организациями, причём не только в мегаполисах, но и в так называемых буддийских регионах.

В работе таких центров могут сочетаться привычные для терапевтической практики методы (трансперсональная терапия, регрессивный гипноз, психоанализ, телесно-ориентированная терапия и т.д.) и особые «духовные практики», которые врачи данных центров связывают с буддизмом. Достаточно часто их руководители и работники регистрируют организации, связанные с образовательной или культурной деятельностью, читают лекции о буддизме и его влиянии на личностную

трансформацию, в рамках таких занятий часто предполагаются «практические упражнения и медитации».

В настоящее время в разных странах активно распространяется образовательная программа SEEL (Social, Emotional and Ethical Learning, SEE Learning). SEEL является продуктом сотрудничества, начавшегося в 1998 г. между Университетом Эмори (США) и Далай-ламой XIV. Программа рассчитана на международную аудиторию учащихся, начиная с детского сада и заканчивая 12 классом. На портале программы размещена информация о том, что «руководствуясь общим видением воспитания сердца и ума, программа предлагает универсальный, неконфессиональный и научно обоснованный подход к всестороннему этическому развитию ребёнка в системе образования — подход, который давно пропагандирует Далай-лама»⁷. Несмотря на то, что на сайте данной программы Россия не указана как страна её распространения, близкая по содержанию программа (либо аналог) достаточно активно интегрируется в образовательное пространство Санкт-Петербурга и других городов России. На это указывают данные портала «Мир людей», где представлено «педагогическое сообщество социально-эмоционально-этического образования» с пометкой: «в англоязычных странах эта область называется SEEL»⁸.

«Городской буддизм» в России как пример буддийского модернизма

Особой средой развития современного буддизма в России является городское пространство. Буддизм в современном городе — это значимая и активная часть городской экосистемы. Он выполняет целый ряд функций: личностных (адаптация, развитие, идентичность и др.), социальных (этические ориентиры, создание

⁵ Часто задаваемые вопросы // Центр медитации Тергар. URL: <https://tergar.ru/chasto-zadavaemye-voprosy/>

⁶ Там же.

⁷ SEE Learning® (Social, Emotional, and Ethical Learning) // Emory University. URL: <https://compassion.emory.edu/see-learning/>

⁸ Педагогическое социально-эмоционально-этического образования «Мир людей». URL: <https://mir-ludey.ru/>

сообществ, консолидация и др.), культурных (влияние на образ жизни, искусство и т.п.). Буддизм в современном городе — пространство сочетания духовного поиска, стремления к психологическому благополучию и городской культуры.

В России развитие «городского буддизма» имеет свои особенности, которые определяются как историей российского буддизма и сложившейся системой государственно-религиозных отношений, так и современными тенденциями развития российского общества и культуры; не менее важную роль играет позиция российского буддизма в международных отношениях. К таким особенностям относятся различия между глобализированной повесткой современного (секулярного) буддизма и формами национальных традиций буддизма в России: в городах присутствует буддизм, связанный с традициями буддийских регионов и этнического буддизма, и развиваются различные формы секулярного буддизма.

Не менее значимая черта «городского буддизма» — наличие зарубежных центров влияния: это и центры, связанные с традициями буддизма школы Гелуг и деятельностью Далай Ламы XIV, и центры тех направлений буддизма, которые пришли в Россию в последние 30 лет. Можно также выделить социальную атомизированность и индивидуализированность ряда городских буддийских организаций, однако при этом предпринимаются попытки преодоления этих явлений путём интеграции в более широкие объединения и сообщества буддистов. Примером подобной интеграции может служить Ассоциация буддийских общин «Арья Сангха» в г. Москве. Для «городского буддизма» в России характерны такие формы деятельности, как разработка инновационных проектов, связанных с образованием: открытие буддийских конфессиональных образовательных центров и проекты реализации буддийских идей в рамках светского образования (например, дополнительного).

В современном городе наблюдается яркое многообразие форм буддизма: от этнических до секулярных, практики которых предназначены для «небуддистов».

В рамках различных программ оздоровления, фитнеса, йога-практик и пр. наблюдается активная коммерческая деятельность, реализуются бизнес-проекты с использованием буддийского бренда. Данная противоречивая картина дополняется присутствием в городском пространстве нео-ориенталистских новых религиозных движений, ценностный посыл которых нередко представляет собой сложную смесь идей, заимствованных из различных версий буддизма и личного опыта их лидеров.

Таким образом, с одной стороны, происходит адаптация буддийского наследия к современным запросам, предлагающая ответы на вызовы развития общества (духовный поиск, стресс, потребность в сообществе, практики личностного развития). С другой, ряд форм этой адаптации порождают вопросы о границах между современным восприятием буддизма и успешными маркетинговыми ходами. Есть и более широкий вопрос о выражении в формах адаптации буддизма к новым социальным и социально-экономическим реалиям, потребностям конкретного этапа развития общества, запросам личности очередного этапа эволюции буддизма в целом.

Заключение

Подводя итог, необходимо ещё раз подчеркнуть, что традиции и модернизации в российском буддизме создают сложную (и часто плохо дифференцируемую) картину динамичных изменений, связанных с новыми запросами социума и новыми возможностями трактовки и адаптации буддийских ценностей в быстро меняющейся социокультурной среде. В то же время проведённое исследование подтверждает вывод о том, что многомерная природа современной стадии развития буддизма в России связана с его историей и особенностями российских государственно-религиозных отношений, внутривластных факторами и геополитическими обстоятельствами, социокультурными и социально-политическими особенностями российского пространства, а также изменением роли буддизма в глобализированном мире,

тенденциями секуляризации и модернизации буддизма в обществе.

С одной стороны, буддизм в России сохраняет свою этноконфессиональную основу, связан с выполнением государственно-национальной роли, что наглядно проявляется в деятельности традиционных буддийских институтов, ориентированных на сохранение языка, осуществление культурных и социальных проектов, укрепляющих этническую идентичность ряда этнорелигиозных групп как значимый элемент общероссийского национального пространства. В этом случае модернизация связана с необходимостью деятельного ответа на новые социокультурные вызовы за счёт расширения социальных функций традиционного буддизма, активном применении новых информационных технологий и т.д. С другой стороны, всё более заметными, особенно в городском пространстве, становятся феномены секулярного буддизма и буддийского модернизма, которые проявляются в популяризации медитативных практик, интеграции буддийских принципов в психотерапию, образование и коммерческую сферу.

Для описания тенденций модернизации буддизма в наши дни используется разветвлённый научный аппарат. Сосредоточив своё внимание на таких понятиях, как «буддийский модернизм»,

«секулярный буддизм» и «городской буддизм», мы показали, что их экстраполяция на ситуацию в современной России является уместной и открывает новые эвристические возможности (в частности, позволяет строго описать ризоматическую структуру процесса адаптации буддизма к социальным вызовам).

Предметное рассмотрение процесса модернизации буддизма закономерно вызывает всё новые вопросы о разграничении и сочетании аутентичной религиозной традиции и её современных интерпретаций. Один из таких вопросов касается связи многофункциональности и изменений современного буддизма (от роли духовной опоры в этнической культуре до инструмента личностного роста в городском пространстве) с жизнеспособностью буддизма в целом и в частности в России.

Дальнейшие исследования особенностей сосуществования разных форм российского буддизма в отдельных секторах и регионах потребуют применения комплексного подхода, объединяющего силы российских религиоведов, востоковедов, философов, социологов и других специалистов, готовых работать с материалом, сочетающим преемственность и обновление в постоянной трансляции традиции, создающим условия для её переосмысления в феноменах модернизации.

Список литературы:

Абаева Л. Л. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 6. — С. 249–254.

Атанов Н. И., Цыренов Д. Д. Адаптация принципов буддийской экономики в республике Бурятия: первые итоги // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. — 2024. — № 2. — С. 3–9. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-2-3-9>

Аякова Ж. А. Секуляризация буддизма в контексте западной культуры // Буддологические исследования: религиоведческий альманах. Том 3. — Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2020. — С. 83–94.

Бадмаев В. Н., Долгорсурэн Ж., Уланов М. С. Калмыцкий этнос: культурные традиции и цивилизационные вызовы. — Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2018. — 120 с.

Бадмацыренов Т., Родионов В. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии. Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — Т. 38, № 1. — С. 62–85. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>

Базаров Б. В., Ринчинов О. С., Базаров А. А. Цифровая трансформация письменного наследия тибетского буддизма: состояние и перспективы // Oriental Studies. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 740–750. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-62-4-740-750>

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии (вторая половина XX – начало XXI в.): Историко-этнографическое исследование. — Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2022. — 384 с.

Бернюкевич Т. В. Рецепции буддизма в России и «русское азиофильство» конца XIX – начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — Т. 38, № 1. — С. 37–61. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-37-61>

Бичелдей У. П. Буддийская традиция в Туве: некоторые вопросы истории, современное состояние и перспективы развития // Буддизм Ваджраяны в России: Актуальная история и социокультурная аналитика. — Санкт-Петербург: Алмазный путь, 2020. — С. 201–209.

Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. — 132 с.

Дондуков Б. Ц. Инициативы Центрального хурула, направленные на улучшение экологической ситуации в Республике Калмыкия // Кунсткамера. — 2022. — Т. 18, № 4. — С. 58–66. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4\(18\)-58-66](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4(18)-58-66)

Дондуков Б. Ц., Дондукова Г. П. Буддизм в Интернете: возможности и препятствия // Новые исследования Тувы. — 2021. — № 2. — С. 145–155. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>

Доржигушаева О. В., Дондуков Б. Ц. Влияние информационных технологий на развитие буддийских сообществ России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2016. — № 3. — С. 110–114.

Марзаева М. Б. Деятельность буддийских организаций Калмыкии по формированию ценностных ориентаций молодежи // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2012. — Т. 5, № 3. — С. 90–94.

Марзаева М. М. О роли буддийской конфессии в развитии современной калмыцкой культуры // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 1-2. — С. 126–130.

Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Российский традиционный буддизм в публичных медиа-сферах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024b. — № 6. — С. 204–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>

Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Сетевые технологии как инструмент само-презентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма) // Вестник Института социологии. — 2024a. — Том 15. № 3. — С. 79–106. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.6>

Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) / П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева, У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш // Новые исследования Тувы. — 2021. — № 2. — С. 18–34. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Тарбастаева И. С. Социальный институт буддизма в современной России: Бурятия, Калмыкия, Тува // Сибирский философский журнал. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 144–156. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156>

Уланов М. С., Бадмаев В. Н. Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 3. — С. 138–150. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>

Хомушку О. М. Религии в Туве: история и современность. — Новосибирск: Наука, 2024. — 176 с.

Цыремпилов Н., Гарри И. Буддизм в эпоху модерна: предисловие // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — Т. 38, № 1. — С. 7–12. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-7-12>

Эрендженова Ю. Ю. Целесообразность дискуссий ученых и буддистов в контексте поиска решений глобальных проблем // Век глобализации. — 2023. — № 4. — С. 116–127. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.09>

Эрендженова Ю. Ю., Бадмаев В. Н., Уланов М. С. Буддийская идея «упая-праджня» в контексте стратегии развития современного общества // Новые исследования Тувы. — 2025. — № 1. — С. 212–223. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.16>

Barker J. McMindfulness: How Mindfulness Became the New Capitalist Spirituality, by Ronald E. Purser // Journal of Global Buddhism. — 2021. — Vol. 22, No 1. — P. 251–257. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.4727641>

Batchelor S. A Secular Buddhism // Journal of Global Buddhism. — 2012. — Vol. 13. — P. 87–107. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1306529>

Lopez D. S. Buddhism and science: a guide for the perplexed. — Chicago: University of Chicago press, 2008. — xiii, 264 p.

McMahan D. L. *Rethinking Meditation: Buddhist Meditative Practice in Ancient and Modern Worlds*. — New York: Oxford University Press, 2023. — 246 p.

McMahan D. L. *The Making of Buddhist Modernism*. — Cary: Oxford University Press, 2008. — 320 p.

Murphy J. L. Review: Buddhist Modernism // *Journal of Buddhist Ethics*. — 2010. — Vol. 17. — P. 41–49.

Purser R. E. *McMindfulness: how mindfulness became the new capitalist spirituality*. — London: Repeater, 2019. — 296 p.

References:

Abaeva, L. L. (2011) 'The Ethnical Culture of the Mongolian Peoples in the Context of the Buddhist Traditions and Modern Science', *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, (6), pp. 249–254. (In Russian).

Aiakova, Zh. A. (2020) 'Secularization of Buddhism in the context of Western culture', *Buddhist Studies Almanac. Vol. 3*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Press, pp. 83–94. (In Russian).

Atanov, N. I. and Tsyrenov, D. D. (2024) 'Adaptation of the Principles of Buddhist Economy in the Republic of Buryatia: First Results', *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*, (2), pp. 3–9. (In Russian). <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2024-2-3-9>

Badmaev, V. N., Dolgorsuren, Zh. and Ulanov, M. S. (2018) *Kalmykij etnos: kul'turnye tradicii i civilizacionnye vyzovy* [Kalmyk ethnos: cultural traditions and civilizational challenges]. Elista: Kalmyckij gosudarstvennyj universitet im. B.B. Gorodovikova Publ. (In Russian).

Badmatsyrenov, T. and Rodionov, V. (2020) 'Buddhist Revival and Buddhist Community Construction in Contemporary Buryatia', *State Religion and Church in Russia and Worldwide*, 38(1), pp. 62–85. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>

Bakaeva, E. P. (2022) *Buddizm v Kalmykii: (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.): istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Buddhism in Kalmykia (second half of the 20th – early 21st century): Historical and ethnographic study]. Elista: KalmNTs RAN Publ. (In Russian).

Barker, J. (2021) 'McMindfulness: How Mindfulness Became the New Capitalist Spirituality, by Ronald E. Purser', *Journal of Global Buddhism*, 22(1), pp. 251–257. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.4727641>

Batchelor, S. (2012) 'A Secular Buddhism', *Journal of Global Buddhism*, 13, pp. 87–107. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.1306529>

Bazarov, B. V., Rinchinov, O. S. and Bazarov, A. A. (2022) 'Digital Transformation of Written Heritage of Tibetan Buddhism: State of the Art and Prospects', *Oriental studies*, 15(4), pp. 740–750. (In Russian). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-62-4-740-750>

Bernyukevich, T. (2020) 'The Reception of Buddhism in Russia and the "Russian Asiaphiles" in the Late 19th – early 20th Century', *State Religion and Church in Russia and Worldwide*, 38(1), pp. 37–61. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-37-61>

Bicheldey, U. P. (2020) 'Buddhist tradition in Tyva: Some historical issues, modern state, and perspectives of development', *Vajrayana Buddhism in Russia: Topical Issues of History and Sociocultural Analytics*. Moscow: Almazny Put Publ., pp. 201–209. (In Russian).

Dashkovskiy, P. K. et al. (2021) 'Religious Situation in the Republic of Tuva (Based on the Results of a Sociological Study)', *The New Research of Tuva*, (2), pp. 18–34. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Dondukov, B. (2022) 'Initiatives of the Central Khurul Aimed at Improving the Environmental Situation in the Republic of Kalmykia', *Kunstkamera*, 18(4), pp. 58–66. (In Russian). [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4\(18\)-58-66](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4(18)-58-66)

Dondukov, B. and Dondukova, G. (2021) 'Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles', *The New Research of Tuva*, (2), pp. 145–155. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>

Dorzhigushaeva, O. and Dondukov, B. (2016) 'The Impact of Information Technologies on the Development of Buddhist Communities in Russia', *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*, (3), pp. 110–114. (In Russian).

Erendzhenova, Yu. Yu. (2023) 'The Expediency of Discussions between Scientists and Buddhists in the Context of Searching for Solutions to Global Problems', *Vek globalizatsii*, (4), pp. 116–127. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.09>

Erendzhenova, Yu. Yu., Badmaev, V. N. and Ulanov (2025) 'Buddhist idea of "upaya-prajnya" in the context of development strategy of modern society', *The New Research of Tuva*, (1), pp. 212–223. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.16>

Khomushku, O. M. (2024) *Religions in Tuva History and Modernity*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

Lopez, D. S. (2008) *Buddhism and science: a guide for the perplexed*. Chicago: University of Chicago press.

Marzaeva, M. (2011) 'About a Role of Buddhist Faith in Development of Modern Kalmyk Culture', *Naučnaâ mysl' Kavkaza*, (1–2), pp. 126–130. (In Russian).

Marzaeva, M. (2012) 'The Activity of Buddhist Organizations of Kalmykia on the Formation of Value Orientations of Young People', *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*, 5(3), pp. 90–94. (In Russian).

McMahan, D. L. (2008) *The Making of Buddhist Modernism*. Cary: Oxford University Press.

McMahan, D. L. (2023) *Rethinking meditation: Buddhist meditative practices in ancient and modern worlds*. New York: Oxford university press.

Murphy, J. L. (2010) 'Review: Buddhist Modernism', *Journal of Buddhist Ethics*, 17, pp. 41–49.

Ostrovskaya, E. and Badmatsyrenov, T. (2024a) 'Network technologies as a tool for self-presentation of small religious groups (the case of Buddhism new for Russia)', *Vestnik instituta sotziologii*, 15(3), pp. 79–106. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3.6>

Ostrovskaya, E. and Badmatsyrenov, T. (2024b) 'Russian Traditional Buddhism in Mediatized Public Spheres', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), pp. 204–225. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>

Purser, R. E. (2019) *McMindfulness: how mindfulness became the new capitalist spirituality*. London: Repeater.

Tsyrempilov, N. and Garri, I. (2020) 'Buddhism in the Modern Age: Introduction', *State Religion and Church in Russia and Worldwide*, 38(1), pp. 7–12. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-7-12>

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2023) 'The phenomenon of socially engaged Buddhism in the contemporary world', *The New Research of Tuva*, (3), pp. 138–150. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>

Vanchikova, T. P. and Chimitdorzhin, D. G. (2006) *Istoriya buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg* [History of Buddhism in Buryatia: 1945–2000]. Ulan-Ude: BNTS SO RAN. (In Russian).

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Бернюкевич — доктор философских наук, профессор, профессор, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 129337, г. Москва, Ярославское ш., д. 26; профессор Московский педагогический государственный университет, 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Tatiana V. Bernyukevich — Doctor of Philosophy, Professor, Professor at Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), 26, Yaroslavskoe highway, Moscow, 129337; Professor at Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya street, Moscow, 119992 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 08.05.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 08.05.2026.